

Свящук А.Л.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ КАК КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

В настоящей статье рассматривается генезис концепции идентичности, а также проблема кризиса идентичности. Исследуется связь понятия идентичности и понятия маргинальности сквозь призму социально-философской рефлексии.

Актуальность рассмотрения определяется остротой проблемы кризиса коллективной и индивидуальной идентичности, стоящей перед странами постсоветского пространства после крушения системы этатизма. Перспективы интеграции Украины в международное сообщество тесно связаны с решением самых насущных проблем социальной реконструкции. В связи с задачами украинской «быстрой» модернизации, а также в связи с процессами, сопровождающими становление информационного общества, одной из наиболее острых социальных проблем является кризис идентичности. В процессе решения задачи реформирования общества в контексте глобализационных процессов проблемой становится преодоление разрыва между предлагаемыми социальными трансформациями и готовностью общества их принять. В период глобальных изменений многие слои и группы общества оказываются в ситуации затянувшегося кризиса идентичности и возникает необходимость рефлексии самоопределения, идентификации, упорядочения в ситуации умножающегося разнообразия. Именно поэтому исследование идентичности, кризиса идентичности – одна из самых актуальных задач в стремительно меняющемся мире. Важно понять и теоретически выразить то, как мы создаём себя как личности. Э. Тоффлер ещё в 80-х годах писал: «Миллионы индивидов напряженно ищут собственную идентичность или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтоб победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок» [1]. Обретение идентичности в нынешней ситуации власти информационных технологий и средств массовой информации становится центральной и повседневной проблемой для каждого. Каждый человек сознаёт необходимость цельного представления о своём Я, о собственном пути развития, своих идеалах, целях, устремлениях. Причём это должно соответствовать личным внутренним осознанным и неосознанным потребностям и стремлениям. Когда представления оказываются несформированными или несоответствующими изменившимся внешним условиям, это не позволяет осуществляться самореализации, продуктивному социальному взаимодействию. В научной литературе такую ситуацию описывают с помощью понятия кризиса идентичности. Если временные кризисы сопутствуют этапам жизни каждого человека и успешно преодолеваются цельной личностью, то затянувшийся кризис способен разрушить как сложившееся социальное взаимодействие, так и саму личность. Формы, обнаруживающие такой кризис, по замечанию таких исследователей, как Э. Эриксон, Э. Фромм, Р. Баумайстер, самые различные: от депрессии и апатии, бессмысленной жестокости или проявлений избыточной властности до стремления убежать от реального мира и становления идеологии безвременья, дезинтеграции и отсутствия жизненных планов. Современные средства массовой информации и информационные системы в рамках становления информационного общества нарушают границы, системные свойства пола, класса, этноса, религии, национальности, субкультуры. Разрушаются прежние социальные институты, ранее формировавшие идентификационный процесс. По нашей гипотезе, именно затянувшийся кризис идентичности обуславливает процесс маргинализации.

Разработке проблемы идентичности посвящено немало научных трудов отечественных и зарубежных философов, политологов, социологов, культурологов, психологов. Об идентичности говорили ещё в школах психоаналитической направленности З. Фрейд и фрейдисты. Более полно концепт идентичности был разработан Э. Эриксоном и прочно вошел в научный обиход благодаря его работам. В дальнейшем был развит американскими психологами У. Джеймсом, Дж. Кули, Ч. Кули, Дж. Мидом, Г. Парсонсом; психологами когнитивного направления Х. Левином, Э. Макоби; бихевиористами Д. Доллардом, Н. Миллером; рассмотрение тех или иных аспектов идентичности нашло отражение в работах современных западных и отечественных социологов М. Кастельса, Л. Гудкова, С. Сусаревой, С. Пигрова, У. Бэка, О. Степановой, Е. Даниловой; философов Ж. Делёза, Э. Фромма, А. Маслоу, Л. Рубинштейна, М. Бахтина, Л. Выготского, И. Кона, А. Шарова, М. Заковоротной; культурологов Т. Богатыревой, О. Сергеевой, И. Семененко; политологов М. Ляруэля, А. Панарина, А. Литовченко, Е. Ихлова и у многих других. Однако необходимо отметить, что исследования не велись в направлении установления взаимосвязи кризиса идентичности и маргинальной ситуации. Не обнаружена четкая связь понятий маргинальности и идентичности.

Цель статьи – рассмотреть генезис концепта идентичности и выявить наличие или отсутствие гипотетически предполагаемой связи кризиса идентичности и маргинализации.

Идентичность как проблема была сформулирована к началу XX века. Считается, что впервые термин «идентичность» употребил З. Фрейд. Обращаясь к членам Бнай Брит в 1926 году и говоря о своей принадлежности к национальной группе, он употребил термин в смысле «ясного осознания внутреннего тождества, уютного сознания общности психологического устройства». Но активное употребление термина в научном сообществе началось после работ Э. Эриксона. Термины «идентичность» и «кризис идентичности» начинают использовать в диагностике психопатологий. В 50-е годы возникают различные интерпретации этих понятий. Идеологическим полем интереса к идентичности становится неогуманизм как преодоление разрыва между Я – ответственным, человеческим и деятельно-технологическим, «дробящим» сознание и психическое на части. Видимо, по причине того, что идентичность изначально была тесно связана с областью психологии, многие даже сейчас определяют идентичность через самоопределение, самосознание, (например, Ч. Райнкрофт в своём «Критическом словаре психоанализа»), а также отождествляют идентичность с идентификацией, полагая, что вся разница заключается в статичности первого по сравнению со вторым (В. Николаев – статья культурологического словаря). Но такое поверхностное понимание не соответствует смыслу разработанного концепта идентичности. Самосознание и самоопределение далеко не охватывают всех аспектов идентичности, а идентификация оказывается одним из этапов становления идентичности, но никак не самой идентичностью. Рассмотрим представления об идентичности в разных исследовательских традициях.

Для У. Джеймса идентичность – субъективное чувство соответствия самому себе, континуальность, созидательная власть, сопротивляемость «эго» по отношению к окружающему миру [2, с. 182]. Для него идентичность скорее характер. Джеймс описывает человека полагающим смысл своего бытия либо в том, чтоб иметь, либо в том, чтобы быть [2, с. 251].

Концепция З. Фрейда, как теоретического предшественника теории идентичности, была направлена на решение психических проблем, разладов внутреннего мира. Фрейд удачно комбинировал научные теории и психологическую терапию. Терапия

стала совершенствующимся элементом культуры модерна и постмодерна, приобретая значимость в качестве преодоления патологий личности, обретения самопонимания для гармонизации настоящих желаний, будущих проектов и психологического наследия прошлого. Идентичность для Фрейда – частный, внутренний мир, эмоциональные силы человека. Фрейдовская формула успешной идентичности – любить и работать. Разгадка личности и её проблем – изучение детства, неразрешенные детские психологические коллизии и вытекающие из этого нарушения. В развитии идентичности Фрейд выделял два равнозначных процесса: биологический и социальный. Идентификация по Фрейду – это то, посредством чего формируется «суперэго» [3]. Идентификация – группообразующий фактор, помогающий выйти за пределы Я и почувствовать переживания других; это процесс бессознательного отождествления субъекта с объектом, мотивом которого может быть страх, потеря любви, опасение наказания. Истинная причина идентификации заключена в биологической природе человека, а её результат – отпечаток родительского «суперэго». Идентификация – это взаимодействие, определяемое биолого-психологическими аспектами, главная цель которых – биологическая адаптация. Сохранение биолого-психологического равновесия – главная цель человеческого бытия; в этой связи идентичность как условия такого равновесия важнее и первичнее идентификации. Если идентификация нивелирует, цивилизует, то идентичность – спасает.

Фрейдисты расширяли и уточняли понятия идентичности. М. Клейн предложил понятие «проективной идентичности», А. Фрейд – «защитной идентичности». Но общим для них и других последователи З. Фрейда – М. Эйнсворта, М. Малера, Р. Шафера, Дж. Боулби – стало сведение идентификации к бессознательным структурам, прямой перенос качеств объекта субъектом и ограничение процесса детским возрастом. Идентичность и идентификация никак не связаны у них с историческим временем; не объяснены механизмы влияния общества. Этот период в «карьере» идентичности можно охарактеризовать как социальный атомизм или методологический индивидуализм плюс биологизаторские тенденции фрейдизма. Такой поход в целом вытекал из познавательной парадигмы того времени. Отход от классических представлений уже позволял объяснять черты характера, способности/неспособности, индивидуальные психологические проблемы. Но ещё невозможно было объяснить механизмы конституирования социальных феноменов; эволюцию коллективной идентичности. Индивидуально-психологическая идентичность остаётся замкнутой.

В работах последователей З. Фрейда – К. Юнга, А. Адлера, К. Хорни, Г. Салливена уже появляется мысль об односторонности индивидуального развития; и хотя логика исследований направлена на защиту, совершенствование и обретение психической стабильности Я, на цельность, но размерность пространства, в котором оценивается целостность личности, увеличивается. Ещё продолжается интерес к субъективному, индивидуальному опыту как единственно достоверному, но уже не исключается необходимость взаимодействия внутреннего Я и общества. Главным остаётся тезис: человек адаптируется к настоящему, не принимая в расчет влияния прошлого, будущего. Такие настроения естественны для 30-х годов XX века; нежелание себя отождествлять с технико-детерминированной государственно-бюрократической машиной взяло верх.

Эрих Фромм, следуя фрейдовской идее о неискоренимости нарциссизма из человеческой природы, предложил рассматривать историю как постоянную борьбу нарциссизма с гуманизмом. Обсуждая проблему становления целостной личности, Фромм использует термин идентичность: «Иметь идентичность – быть, а не иметь... Если Я – это

то, что я есть, а не то, что я имею, никто не в силах угрожать моей безопасности и лишить меня чувства идентичности» [4, с. 117]. Кризис идентичности порожден современным обществом; члены общества стали безликими инструментами в руках бюрократической машины. Чтоб преодолеть кризис, необходимо создавать условия для индивидуальной инициативы в повседневной жизни. Только децентрализация, способность принимать индивидуальные экономические и политические решения формирует возможности преодоления кризиса. Американский философ делает акцент на внутреннем потенциале человека, позволяющем найти себя в современном мире, и придает большое значение принадлежности человека всеобщему. Так намечается переход от монологического подхода в осмыслении идентичности к диалогическому.

Следующим направлением, подхватившим и развившим понятие идентичности стал бихевиоризм. Его представители в лице Д. Долларда, Н. Миллера, О. Маурера, Э. Макоби, П. Мусена, Х. Левина и других сделали большой шаг вперед в теории идентификации, предложив ввести и рассматривать уровень когнитивных процессов, что сделало процесс идентификации сознательным. Согласно теории бихевиоризма, идентификация достигается подкреплением, имитацией, генерализацией, наблюдением, научением через моделирование; идентификация – сознательное или неосознанное копирование атрибутов или характеристик других. В бихевиоризме стали учитываться не только биолого-психологические, но и социальные составляющие идентификации. Однако недостатком бихевиоризма является отсутствие анализа общения и развития личности. Таким образом, как бихевиоризм, так и фрейдизм в первоначальных трактовках идентификации не отводили никакой роли самой личности: она либо становилось жертвой социальных обстоятельств, либо претерпевала давление со стороны id или Ego; противостояние субъекта и объекта сводилось к простому переносу характеристик, например, родителей на субъект. В этой связи первоначальный этап в развитии идентичности можно считать формально логическим, поскольку феноменологическое содержание идентификации теоретически не представлено.

Следующий этап в развитии теории идентичности связан с именем Э. Эриксона; его концепция до сих пор считается одной из лучших. Продолжая традиции психоанализа, Эриксон в то же время почувствовал, что «фрейдовская картина человека неполна, поскольку в ней доминирует то, что лежит внутри и внизу, но игнорируется то, что соотносится с миром вовне, что ведёт человека вперед и вниз» [5, с. 6]. Эриксон был убежден, что вне мира творческой человеческой деятельности сила Я остается непонятной и не всегда человек – марионетка в руках Эроса. Мыслитель замечает, что в индустриальный век нарастающей механизации, краха аристократических, национальных ценностей исследование идентичности становится такой же стратегической задачей, как во времена Фрейда изучение сексуальности. Эриксон принял идеи эго-психологов, рассматривая циклы развития Я – те кризисы, через которые проходит Я на пути к автономии, зрелости, продуктивности. Идентичность – это социализированная часть Я. В этой связи главным недостатком фрейдизма, по мнению Эриксона, было игнорирование факторов окружающей среды, выступающей как всеобщая культура, прошлая и настоящая, объективный мир, который не только вокруг, но и внутри индивида. Каждое общество предлагает свой репертуар идентичностей, будь то идентичность отца, ребенка, профессиональных и политических отождествлений. Еще одной важной особенностью является замечание о том, что идентичность реальна, если подтверждается другими, и таким образом, она – результат взаимодействия самоидентификации и идентификации другими. Эриксон показал, что: наряду с фрейдовскими фазами психосексуального развития

существуют и психологические стадии развития Я, в ходе которого индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде; становление идентичности не заканчивается в подростковом возрасте, но происходит в течение всей жизни; каждой стадии присущи собственные параметры развития; жизнь представляет собой сложную смену всех аспектов, и успешное решение проблем на одной стадии не гарантирует отсутствие проблем на другой стадии [6, с. 11]. Впервые утверждается, что построение идентичности – создание самим человеком модели поведения, которая, с одной стороны, достаточно длительна для исполнения на практике, с другой стороны, изменчива в течение жизни. Множественность моделей идентичности есть отображение множественности исторических путей человеческого. Таким образом, эриксоновский этап становления идентичности ознаменовался отказом от биологизаторских тенденций, имевших место в социальных и психоаналитических школах того времени. Традиция и совесть – вот логическое продолжение культуры, которая развивает биологически данное, сохраняет целостность общества, а значит – создаёт возможность иметь идентичность.

Кроме этого, важнейшим условием идентичности для Эриксона является её историчность; каждый индивид включен в поток социальных изменений. Поэтому исследование психосоциальной идентичности зависит от трёх взаимодействующих сторон: «от личностной связи индивида с ролевой интеграцией в группе; от направляющих его образов – с идеологиями его времени; от жизненной истории с историческим моментом» [5, с. 16]. Структура идентичности представлена как организация трёх порядков. Первый порядок – соматический – связан со стремлением организма строить свою целостность в постоянном взаимодействии с внешним миром. Второй – личностный, он интегрирует внешний и внутренний опыты в сознании и поведении. Третий – социальный – совместно поддерживаемый людьми порядок. Таким образом, развитие идентичности происходит как взаимодополнение трёх порядков и взаимодействие трёх процессов: биологического, социального и «эго». Становление идентичности в широко известной эпигенетической программе Эриксона проходит восемь жизненных стадий и может протекать в трёх формах: интроекция – как примитивное вживание в образ; идентификация – как интеракция с уважаемыми и значимыми представителями рода; формирование идентичности – ансамбль идентификаций и их включение в единое уникальное целое.

Особую популярность приобрел термин кризис идентичности. По Эриксону, становление идентичности обязательно проходит через кризисы, наиболее ощутимые в юности. В общем случае, кризис идентичности – это период конфликта между сложившейся конфигурацией элементов идентичности и соответствующим способом вписывания себя в окружающий мир. Проявляться кризис может как размытость временных перспектив, пространства, выбор негативной идентичности, смешение ролей. Целостность и полнота уступают место отчаянию и отвращению, генеративность – стагнации, интимность – изоляции, идентичность – смешению ролей. Только постепенное нарастание чувства идентичности обеспечивает периодический баланс, который при интеграции стадий «эго» способствует чувству гуманности. Всякий раз, когда возникают биологические или социальные изменения, необходима интегрирующая работа «эго». Структура «эго» характеризуется следующими компонентами: телесной самостью и эго-идеалом, то есть идеями, образцами, конфигурациями, служащими для постоянного сравнения. Потеря эго-синтеза сопровождается систематической напряженностью, социальной паникой, эго-волнением, когда чувство самовосприятия, продолжительности и веры в свою социальную роль уходят. Проблемой является соотношение индивидуальной и коллективной идентичности как приспособление

личности к социальному порядку.

Таким образом, эриксоновский этап «карьеры» идентичности оставил после себя цельную теорию идентичности со статусом интердисциплинарного знания. Модель идентичности, по Эриксону, учитывает как персональные компоненты идентичности, так и влияние общественной среды. Модель имеет структуру, состоящую из элементов: «эго», соматический, личностный, социальный порядки, значимые идентификации, задатки, базовые способности, эго-идеалы, телесную самость, эго-интегральность, базовое доверие. Становление идентичности проходит интроекцию, идентификацию, формирование идентичности и состоит из структурных уровней: мать-ребенок, биологическое-личностное-социальное, индивидуальная идентичность – коллективная идентичность. Модель является исторической, и кризис идентичности показывает конфликт между становящейся личностью и консервативным «эго». Общественно-исторические запросы и разные естественно-биологические потребности обуславливают множественность моделей.

Изучая модель идентичности по Эриксону, становится ясно, почему именно XX век открыл «кризис идентичности» и вызвал рефлексию на проблему идентичности: ускорение всех процессов, динамика изменений социальной жизни, утрата человеком локального социального места в связи с выходом рас и народов из различного вида изоляций – географической, экономической, культурной – о чем говорил Р. Парк, а сейчас мы это называем глобализацией, отход от устоев традиционного общества, возрастание социально-исторического разнообразия, уплотнения во времени всего того, что менялось раньше вместе с поколениями, а сейчас в течение десятилетий. Страх потерять идентичность, не приобрести её, незащищенность, неопределённость бытия самости заставляют напряженно рефлексировать о том, что раньше казалось очевидным, было естественно вписано в общее.

Таким образом, теория идентичности Эриксона не лишена и недостатков. В целом логика становления идентичности справедлива для эволюционного развития, но не предусматривает способов обретения идентичности в революционных ситуациях. В этой связи и кризис идентичности, который прочувствовал на себе уже наш век после общественных потрясений, для Эриксона не был связан с историческими процессами и обуславливался сменой стадий сугубо человеческого становления.

Приблизить к жизни теорию Эриксона пытались его последователи, такие, как Дж. Марсия, который полагал структуру «эго» как внутренне самосозидающуюся, динамичную организацию способностей, убеждений, индивидуальной истории. А. Ватерман стремится выделить ценностные аспекты феномена идентичности, указывая, что идентичность есть наличие у человека главных её элементов: чёткого самоопределения, выбора целей, ценностей и убеждений, которым он следует в жизни. В этой связи наиболее значимы четыре сферы: выбор профессии, принятие и переоценка моральных и религиозных убеждений, выработка политических взглядов, принятие набора социальных ролей [7]. Оригинальные интерпретации предложили Дж. Мид, Э. Гофман, Г. Горфинкель. Так, Мид привнес в теорию идентичности тезис о том, что идентификация значений протекает с формированием рефлексии, лингвистических правил; при этом как общество определяет идентичность индивида, задавая нормы, законы существования, так и сам индивид задаёт собственное определение в выборе целей, ценностей. А идентичность понимается при этом как способность человека воспринимать своё поведение и жизнь в качестве связанного и единого целого. Э. Гофман выделяет три типа идентичности: социальная, личная, Я-идентичность. Каждый, по его мнению,

оказывается относящимся к множеству социальных идентичностей, и её обретение зависит от «колонизации» пространства и времени, умения управлять ими, рефлексивно обозревать ситуации и справляться с ними.

Среди современных выдающихся философов, культурологов, социологов, в чьих работах осмысляются проблемы идентичности, следует назвать К. Поппера, Ю. Хабермаса, В. Хесле, А. Гидденса, М. Серто, Р. Баумайстера. Именно теория идентичности Баумайстера представляется нам одной из самых системных и всеохватывающих в современной социальной мысли. Рассматривая модель идентичности, автор определяет её главные критерии: континуальность – как единство и цельность бытия в процессе протекания времени; отличительность – моё бытие, отличное от других, а идентичность имеет ряд элементов, которые отличают её от других. Функциональные аспекты идентичности, по Баумайстеру – это: лично-целенаправленный выбор как реализация профессионального потенциала; интерперсональный аспект как набор социальных ролей и личной репутации; чувство собственной идентичности в определении жизненных целей и задач индивида, оформляющих его жизненный путь. Каждая идентичность состоит из широкого набора компонентов, единиц самоопределения, и предполагает контекстуальную систему других членов общества и их ролей; в зависимости от контекста идентичности общества отличаются друг от друга.

Главной заслугой Баумайстера являются выявленные им социальные, экономические, религиозные, философские и культурные основания для появления и развития идентичности как реального явления и как понятия.

Интересным кажется замечание А. Гидденса о том, что теоретическим моментом рождения феномена идентичности становится переход от традиционного общества к посттрадиционному. Чем более традиция теряет свою власть в обществе, тем в большей степени повседневная социальная жизнь строится из противоречий локального и глобального и тем больше индивиды должны выбирать свои жизненные пути из многообразия перспектив.

В целом теоретики едины во мнении, что идентичность социальна по происхождению и формируется в результате социального взаимодействия и усвоения каждым выработанного в процессе социальной коммуникации языка. Изменения идентичности обусловлены социальными изменениями, а длительный кризис идентичности становится препятствием для формирования личности.

В отечественной философии и психологии термин идентичность практически не использовался до И. Кона, хотя, конечно, тема становления личности человека имела широчайшую теоретическую основу. Это и онтология личности Ф. Достоевского, труды П. Флоренского, Н. Бердяева, А. Ильина, Г. Шпета, Л. Выготского, А. Лосева, Ю. Лотмана, Б. Поршнева, Л. Рубинштейна и многих других. В целом советская психология и философия базировалась на методологических принципах марксизма. Общество – основа любого социально-психологического исследования, а понятие личности – общественная, а не психологическая категория. Сущность человека – ансамбль общественных отношений, а сознание – отражение бытия. Идентичность оценивалась как положительный ход развития личности. Такие авторы, как В. Мухина, Н. Алексеева, А. Буров, А. Соприков, обозначали идентичность как постоянно действующий механизм развития личности, её структурообразующий фактор. По их мнению, идентификация многоуровневая, многокомпонентна. Выделяют три основных компонента: эмоциональный, когнитивный, поведенческий. Возможны ценностные, ролевые, нормативные идентификации. Многообразны функции идентификации: объединение в группы «Мы», духовное

объединение, самосознание групповой принадлежности, структурообразующий принцип общения, формирование личности. Базовым основанием при построении концепции групповых явлений, формирования личности становятся «идентификация-отчуждение», «идентификация-обособление». Сложность изучения идентификации заключается в том, что явление пропитано другими психологическими, социальными явлениями, при которых актуален системный анализ феномена. В общем в советской общественной мысли преобладает приоритет социального в объяснении идентификации и идентичности. Часто индивиды предстают как субъекты, поддерживающие модели социального производства.

Интерес к изучению идентичности И. Коном обуславливается стремлением схватить человеческое «Я» в его единстве. Но для этого нужны сложные теоретические модели: «идентичность, эго, супер-Я». Сложность и полифункциональность «человеческого» определяется тем, что «человеческая психика должна постоянно перерабатывать и координировать огромное количество информации. Чем разнороднее внутренне и внешнее, чем разнообразнее такая информация, тем острее будет его индивидуальное самоощущение и тем сложнее и дифференцированнее свойственный ему образ Я» [8, с. 64]. И. Кон выделяет несколько типов идентичности и на основе идей отечественных и зарубежных авторов и интерпретирует идентичность как условный конструкт личности. Этот конструкт не является статичным, но динамичен и уравнивает внутренние и внешние импульсы.

В современных отечественных исследованиях последних лет появляются новые интересные разработки по теме идентичности. Исследуются национальные, религиозные, этнические аспекты и анализируются многочисленные социальные проблемы. Необходимо признать важность переосмысления понятий идентичности в изменяющихся исторических условиях, а значит – в изменяющихся условиях идентификации.

Рассмотрение генезиса идентичности показало, что в современном теоретическом анализе идентичности часто отсутствуют исследования содержательных аспектов: способов соотношения внутреннего и внешнего, контекста взаимодействия индивидуального и общественного. Сам характер, процессы социального взаимодействия уходят от исследователей. Это объясняется трудоёмкостью анализа общества. В целом, идентичность представляется как многомерный процесс в человеческом становлении, модель жизни, позволяющая разделить «Я» и окружающий мир, определить соотношение внутреннего и внешнего разнообразия для человека в целях самореализации и самоописания. В условиях трансформирующегося общества происходит массовое явление кризиса идентичности. Согласно теории идентичности, кризис может быть обусловлен как незавершенной идентичностью, так и несоответствием конфигураций элементов единичной и коллективной идентичности, когда индивидуальное может оказаться вне жизненного плана группы. Что происходит в случае затягивания кризиса идентичности? Учитывая то, что теория идентичности отражает структурное, многоуровневое становление личности, от первых черт характера и обретения цельности личностью до успешной социальной роли, есть основания утверждать, что существует и обратный процесс. Если идентичность – это процесс восхождения, становления личности, упорядочения социального взаимодействия, то процессом обратного направления представляется маргинализация как процесс разрушения социального взаимодействия, как невозможность себя идентифицировать с устойчивыми социальными группами официального общества, как утрата социальной роли, значимости в глазах других и «сползание» на периферию общества и в итоге – разрушение индивидуальной идентичности как целостности, континуальности личности. Таким образом, идентичность

и маргинализация это аверс и реверс одного и того же процесса.

Литература:

1. Toffler A. The Third Wave. N. Y. 1980. P. 366.
2. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. – М.: Наука, 1993. – 432 с.
3. Социальная идентификация личности / под ред. В.А. Ядова, в 2-х кн. М., ИС РАН, 1994.
4. Фромм Э. Иметь или быть? – М., Прогресс, 1990 – 336 с.
5. Эриксон Э.Г. Молодой Лютер: Психоаналит. ист. исследование: Пер. с англ. – М.: Медиум, 1996. – 506 с.
6. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Ленати, 1996. – 592 с.
7. Антонова Н.В. Проблема личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131-143.
8. Кон И.С. Открытие Я. – М.: Политиздат, 1978. – 367 с.